

Классика
в школе и дома

Виктор
Гюго

Гаврош

Москва

2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г99

Перевод с французского Н. Касаткиной, Н. Коган

Оформление серии О. Горбовской

Гюго, Виктор.

Г99 Гаврош / Виктор Гюго; [пер. с фр. Н. Г. Касаткиной, Н. Коган]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 256 с.

ISBN 978-5-699-87550-4 (КВШ)

ISBN 978-5-699-87813-0 (ВЧ)

«Гаврош» и «Козетта» — отрывки из романа В. Гюго «Отверженные» — изучаются на уроках литературы в 5–7-х классах. В книге даны избранные главы.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-87550-4 (КВШ) © Н. Касаткина, перевод. Наследники, 2016
ISBN 978-5-699-87813-0 (ВЧ) © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ГАВРОШ

Из романа «Отверженные»

ДЕТИ ПАРИЖА

Когда-то, много лет назад, Париж был полон бездомных детей, как лес полон птичек. Птичек зовут воробьями, ребят звали гамéнами.

Это были мальчуганы от семи до одиннадцати лет. Жили они обычно стайками. Их родители, замученные нищетой и тяжким трудом, не могли, а иногда и не хотели заботиться о них. Но гамены не унывали. Обедали они не каждый день, зато каждый день, если им хотелось, пробирались в театр. На теле у них иногда не бывало рубашки, на ногах — башмаков, над головой не было крыши. Они целыми днями бродили по улицам, ночевали где попало. Одеты они были в старые отцовские штаны, которые волочились по земле. Голову им покрывала чья-нибудь старая шляпа, сползавшая на самый нос.

Чтобы попасть в компанию парижских гаменов, надо было иметь немалые заслуги. Один, например, был в большом почете за то, что видел, как человек свалился с колокольни, другой — за то, что на его глазах опрокинулся дилижанс¹, третий — потому, что был знаком с солдатом, который чуть не выколол глаза какому-то важному господину.

¹ Д и л и ж а н с — многоместная карета для перевозки почты и пассажиров.

Крепкие кулаки очень ценились у них. Гамен любил прихвастнуть: «Вон какой я силач, посмотри-ка!» Всякий, кому случалось порезаться очень глубоко, «до кости», считался героем. Левше все очень завидовали. Косоглазый пользовался большим уважением.

У гаменов бывали постоянные стычки с полицейскими, которые устраивали по ночам облавы на маленьких бродяг. Потому-то гамен знал всех полицейских в лицо и по имени. Он изучил их привычки, для каждого подобрал прозвище: «Такой-то — предатель, такой-то — злюка, тот — великан, а тот — чудак. Вот этот воображает, что Новый мост принадлежит ему одному, и не дает человеку гулять по выступу за перилами моста, а тот любит драть людей за уши...»

Парижский гамен бывал почтительным, но бывал и дерзким насмешником. У него были скверные, гнилые зубы, потому что он плохо и мало ел, и хорошие, ясные глаза, потому что он много думал.

МАЛЕНЬКИЙ ГАВРОШ

В те времена на бульваре Тампль можно было часто встретить мальчика лет одиннадцати-двенадцати, настоящего гамена. На нем были длинные мужские штаны и женская кофта. Но штаны были не отцовские, а кофта не материнская. Чужие люди из жалости одели его в эти лохмотья.

А были у него и отец и мать. Но отец о нем не заботился, а мать его не любила, так что его смело можно было назвать сиротой.

Привольно он чувствовал себя только на улице. Это был бледный и болезненный мальчик, но проворный, ловкий, смысленый и большой шутник.

Он постоянно был в движении: бродил, распевая песенки, по улицам, рылся в сточных канавах, воро-

вал понемножку, но легко и весело, как воруют кошки или воробышки, смеялся, когда его называли ша-лопаем, и сердился, когда его обзывали бродягой.

У него не было ни крова, ни хлеба, некому было пригреть и приласкать его, но он не тужил. Однако, как ни был он заброшен, ему все-таки иногда приходило в голову: «Пойду повидаю мать». Он расставался с привычными местами, с шумными площадями, бульварами, спускался к набережным, переходил мосты и в конце концов добирался до предместья, населенного беднотой.

Там, в убогой лачуге, жила семья веселого мальчугана. Он приходил, видел вокруг горе и нищету, но что всего печальнее — он не видел здесь ни одной приветливой улыбки; холоден был пустой очаг, и холодны были сердца.

Когда он появлялся, его спрашивали: «Откуда ты?» Он отвечал: «С улицы».

Когда он уходил, его спрашивали: «Куда ты?» — «На улицу», — отвечал он.

А мать кричала ему вслед: «И что тебе здесь было нужно?»

Мальчик жил, не видя любви и заботы, точно бесцветная травка, которая растет в погребках. Он не страдал от этого и никого не винил. Он даже не знал точно, какие должны быть отец и мать.

Мы позабыли сказать, что на бульваре Тампль этого гамена прозвали Гаврош.

ГАВРОШ ОПЕКАЕТ МАЛЫШЕЙ

В Париже весной часто выпадают холодные дни, когда можно подумать, что вернулся январь.

В один такой студеный апрельский вечер Гаврош стоял на многолюдной улице, перед ярко освещенной витриной большой парикмахерской, и

зябко поеживался. На шее у него был шерстяной платок, неизвестно где подобранный. Казалось, он с восторженным любопытством смотрит, как восковая женская головка, замысловато причесанная и украшенная цветами, поворачивается во все стороны и улыбается прохожим.

На самом же деле Гаврош наблюдал, что происходит внутри парикмахерской, рассчитывая улучшить минуту и стянуть с витрины кусок мыла, а потом продать его за несколько су¹ парикмахеру предместья. Ему часто случалось таким способом зарабатывать себе на обед. Он был ловкач в таких делах и называл это «брить брадобрея».

Любуясь восковой красавицей и нацеливаясь на кусок мыла, он бормотал себе под нос:

— Во вторник... нет, не во вторник! А может, во вторник... Да, верно, во вторник!

Он старался припомнить, когда обедал в последний раз. Оказалось, что было это три дня назад.

В светлом и теплом помещении парикмахер брил очередного посетителя, а сам косился на врага, на замерзшего дерзкого мальчишку, который стоял у окна, засунув руки в карманы, и явно замышлял какой-то подвох.

Но вдруг Гаврош увидел, что в парикмахерскую вошли два мальчика меньше его: один лет семи, другой около пяти, оба неплохо одетые. Трудно было разобрать, чего они хотят — оба говорили разом. Младший не переставая плакал, а у старшего от холода стучали зубы. Парикмахер сердито обернулся, вытолкал ребят на улицу, ничего не слушая, и крикнул им вдогонку:

— Шатаются зря, только холоду напускают!

¹ Су — монета в пять сантимов. С а н т и м — самая мелкая французская монета.

Дети, плача, пошли дальше. Тем временем набежала туча, стал моросить дождь. Гаврош догнал ребят:

— О чем плачете, малыши?

— Нам негде ночевать, — ответил старший.

— Велика беда! — сказал Гаврош. — Стоит из-за такой ерунды плакать! Вот глупышки! — И ласковым, но покровительственным тоном добавил: — Идем со мной, мелюзга.

— Пойдемте, сударь, — ответил старший.

Дети, перестав плакать, доверчиво последовали за Гаврошем. Уходя, Гаврош с возмущением оглянулся на парикмахерскую.

— Бессердечная скотина! — ворчал он. — Сушная змея! Послушай, цирюльник, я позову слесаря и велю нацепить тебе на хвост трещотку.

Парикмахер настроил его на боевой лад. Перепрыгивая через лужу, он увидел старуху с метлой в руках и спросил у нее:

— Сударыня, вы решили покататься на своей лошадке?

И тут же обдал грязью лакированные ботинки прохожего.

— Болван! — злобно крикнул прохожий.

Гаврош высунул нос из платка:

— На кого изволите жаловаться, сударь?

— На тебя! — рявкнул прохожий.

— Контора уже закрыта, жалоб больше не принимаю.

Проходя мимо каких-то ворот, он заметил дрожащую от холода нищенку, девочку лет тринадцати-четырнадцати.

— Бедняга, она совсем раздета. На вот, возьми! — И, сняв с себя теплый шерстяной платок, он развернул его и набросил на худенькие плечи нищенки.

Девочка с удивлением посмотрела на него и молча приняла подарок. А Гаврош только еще больше съежился от холода. Как раз в это время дождь снова припустил.

— Что за безобразие, опять дождь! — вскричал Гаврош. — Это мне уже не нравится. Ну, наплевать! — добавил он, увидев, как нищенка кутается в платок. — Зато ей будет тепло, она теперь как в шубе.

И он пошел дальше. Дети торопливо семенили вслед за ним.

Проходя мимо булочной, Гаврош обернулся к ребятам:

— Малыши, вы обедали сегодня?

— Сударь, мы с утра ничего не ели, — ответил старший.

— У вас, видно, нет ни отца, ни матери? — тонном взрослого спросил Гаврош.

— Что вы, сударь! У нас есть и мама и папа, только мы не знаем, где они. Мы все ходили по улице, искали чего-нибудь поесть и ничего не нашли.

— Ну, понятно, — заметил Гаврош, — собаки все подбирают. — И, помолчав, добавил: — Так вы потеряли родителей? Не знаете, куда они девались? Это не годится, ребятки! Глупо терять старших. Ну что ж, надо все-таки чего-нибудь перекусить.

Он больше не стал их расспрашивать. Не иметь крова — для гамена дело обычное.

Гаврош остановился и стал усиленно шарить в карманах своих штанов. Наконец он с торжествующим видом поднял голову:

— Успокойтесь, малыши, сейчас мы отлично поужинаем.

Он выудил из кармана монетку, втокнул ребят в булочную и, бросив деньги на прилавок, крикнул:

— На пять сантимов хлеба!

Булочник взял в руки нож и каравай хлеба.

— На три части! — скомандовал Гаврош и с достоинством пояснил: — Нас ведь трое.

Булочник, окинув взглядом детей, собрался было дать им черного хлеба, но Гаврош с негодованием крикнул:

— Это что такое?

Булочник вежливо ответил:

— Это хлеб, очень хороший хлеб второго сорта.

— Отрежьте белого, самого лучшего. Я угощаю!

Булочник улыбнулся и стал с любопытством разглядывать компанию.

— Что вы на нас уставились? Думаете, мы маленькие? — обиделся Гаврош.

Когда хлеб был отрезан, Гаврош сказал детям:

— Ну вот, теперь лопаите!

Дети растерянно смотрели на него. Гаврош расхохотался.

— Да, правда, они малы, еще не понимают. — И протянул им хлеб: — Ешьте, пичуги!

Считая, что старший более понятлив и его следует особо ободрить, он протянул ему большой кусок и сказал:

— Ну-ка, раскрой клюв!

Себе он оставил самый маленький кусочек. Все трое были очень голодны и, стоя у двери, жадно уплетали хлеб. Булочник получил деньги и теперь смотрел на них с досадой, потому что они загораживали вход в булочную.

— Пойдем на улицу, — сказал Гаврош.

И они поплелись дальше, по направлению к Бастилии¹. Когда они проходили мимо ярко освещенных ма-

¹ Бастилия — старинная крепость в Париже, в которой при короле была тюрьма для политических заключенных. 14 июля 1789 года она была разрушена восставшим народом.

газинов, младший из ребят останавливался и смотрел на висевшие у него на веревочке оловянные часики.

— Вот дурачок! — снисходительно сказал Гаврош. Затем задумчиво пробормотал себе под нос: — Будь это мои ребята, я бы лучше смотрел за ними.

Они шли, медленно дожевывая хлеб. На углу улицы Балле какой-то высокий человек окликнул Гавроша:

— А, это ты, Гаврош? Куда держишь путь?

Гаврош указал на ребят:

— Веду их на ночлег.

— А куда?

— К себе.

— Куда это?

— Да к себе!

— А у тебя есть жилье?

— Конечно!

— Где же?

— В слоне, — ответил Гаврош.

— Как в слоне?

— Да обыкновенно — в слоне. Что ж тут непонятного?

В СЛОНЕ

В те времена на площади Бастилии стояло странное сооружение — огромный деревянный слон, оштукатуренный снаружи. На спине у него помещалась башня, напоминающая домик; когда-то она была выкрашена в зеленый цвет, но дожди и непогода перекрасили ее в черный.

Слон стоял в пустынном углу большой площади. Широкий лоб, длинный хобот, клыки, башня на исполинской¹ спине, ноги, похожие на четыре стол-

¹ Исполинский — большой, огромный.

ба, — все это превращало его ночью в страшное, сказочное чудовище.

К этому углу площади, едва освещенному далеким фонарем, Гаврош подвел своих питомцев. Он понимал, что малышей испугает такой великан, и потому сказал:

— Не бойтесь, ребятки!

Сначала он сам прошмыгнул в отверстие решетки, окружавшей слона, а затем втащил детей. Перепуганные ребята покорно и доверчиво следовали за своим оборванным покровителем, который накормил их и обещал им ночлег.

Внутри ограды лежала лестница, которой днем пользовались рабочие ближайшей стройки. Гаврош с удивительной для его лет силой поднял ее и представил к одной из передних ног слона. Как раз в том месте, куда доходила лестница, виднелась черная дыра в брюхе великана. Гаврош указал своим гостям на лестницу и дыру.

— Полезайте, — сказал он.

Дети в испуге переглянулись.

— Струсили, малявки! — воскликнул Гаврош. И прибавил: — Ну, смотрите!

Он обхватил руками шероховатую ногу слона и мигом, без всякой лестницы, добрался до отверстия, вполз туда, как уж вползает в щель, и скрылся, а спустя минуту его бледное личико показалось в темной дыре.

— Ну, — кричал он, — ползите скорей, козлявки! Увидите, как здесь хорошо! Влезай ты первый, — обратился он к старшему, — я втащу тебя за руки.

Дети жались друг к другу. Они и побаивались Гавроша, и верили ему, а так как дождь превратился в ливень, то старший мальчик набрался наконец храбрости. Когда маленький увидел, что брат